

Пародист из общества сексуальных меньшинств

1 ноября в ЦКЗ «Россия» состоится концерт Владимира Винокура. В нем принимает участие «ВиноШоуКур» в лице Светланы Захаровой, Анны Чуткиной, Любови Богачевой, Владимира Жукова. Придет, естественно, и лучший друг Владимира Винокура Лев Лещенко.

- Вас часто видят в обществе Лещенко. Какое место в вашей жизни занимает дружба?

- Среди моих друзей очень мало людей новых. Как правило, это те, с которыми меня связывают много лет знакомства. Ну, например, Виталий Богуславский - мой директор. Мы знакомы очень давно. Этот человек вплотную занимался кино, был директором картины Владимира Меньшова «Москва слезам не верит». А потом, когда настали трудные для кинематографа времена, я переманил его к себе.

Со Львом Лещенко я дружу тридцать два года.

Я поверил женщине, которая вышла за меня замуж, когда я был еще студентом, стажером. Она полюбила меня, а не мою славу или деньги. Я женат вот уже четверть века.

- Лев Лещенко рассказывает, что вы очень любите разыгрывать друзей. Расскажите, как это было в последний раз.

- Это Лещенко любит разыгрывать, всю жизнь надо мной издевается. Впрочем... В одном концертном зале в Питере есть директор Эмма Лавринович. Мы должны были с Левого давать там концерт. Я решил пошутить: позвонил ей по мобильному из соседней комнаты: «Эмма, это вас беспокоят из общества сексуальных меньшинств. У вас в концерте будут работать Лещенко с Винокуром. Хотелось бы их пригласить к нам». - «С какой, извините, целью?» - спрашивает Эмма. - «Вы - взрослая женщина. Неужели не догадываетесь? Ну, если два мужика дружат столько лет...» - «Да вы с ума сошли!» - она встала на нашу защиту грудью. - «Это два народных артиста!» - «Да это же такое дело, что от званий не зависит!» - «Что вам от нас надо?!» - «Я от вас отстану, если дадите мне пять билетиков на их концерт». - «Я вам ничего не дам!» - «Да мы их хотели пригласить как почетных гостей-ветеранов. Вы понимаете, нам близки эти люди!»... А рядом с ней сидит Лева: «Эмочка, что вы так нервничаете? С кем вы разговариваете?» Она в испуге: «Ничего, ничего, Левочка».

Я хожу с мобильным в комнату и говорю: «Эмма, ну хоть четыре билетика дайте!» Я тогда думал, что она меня убьет...

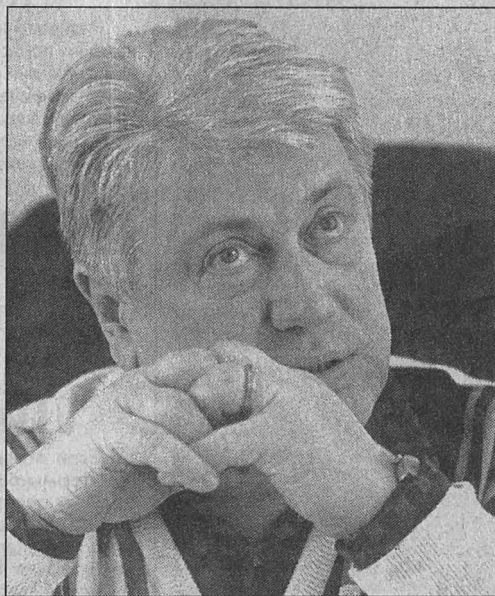
- Огромный период вашей жизни связан с «Самоцветами». Причем с тем звездным этапом, когда там пели Глызин, Барыкин, Кузьмин, Беликов. Когда на саксофоне играл Владимир Пресняков-старший. Вы-то как попали в эту компанию!

- В 1975 году, будучи артистом Театра оперетты, я попал на гастроли на Дальний Восток. Я вел концерты, играл отрывки. И там был музыкант и композитор Михаил Банк. Он услышал, как я пою на какой-то пьянке... пардон, застолье для друзей разными голосами - то пародируя Николая Сличенко, то Муслима Магомаева. И он мне первый сказал: «Слушай, можно ведь сделать классный номер». А тогда пародии подобного типа были еще редкостью. Позже, когда я уже приехал в Москву, мне позвонил Юрий Маликов: «Приходи к нам на концерт, в «Лужники». О тебе говорили. Посмотрим на тебя». Приходи - легко сказать. К стадиону не подступиться - вокруг конная милиция. Билетов нет. Вот такая популярность была у «Самоцветов». Но я же тогда большой был на всю голову в смысле вокала - считал себя великим солистом. В институте пел, в театре пел. Я же не знал еще, что я - клоун. Короче, они меня взяли в ансамбль.

Спустя некоторое время мне позвонил режиссер Сергей Дукан: «Давай, сделай свой номер». И я сделал про то, как я ухаживаю за девушкой. Привожу ее к себе в квартиру, на минуту выхожу к со-

седу и оттуда начинаю звонить и просить себя, любимого, к телефону голосами Папанова, Хазанова, Высоцкого. Владимир Семенович тогда был особенно любим народом. Девушка, естественно, тает: куда это она попала, к кому? Вот такая феячка...

Позже сделал еще один номер - «Старшина». Текст мне написал инженер-строитель в то время, знакомый вам Леонид Якубович. Помню, как на последние деньги я купил себе за 300 рублей бутылочного цвета костюм - это было единственное мое достояние. И в этом

бесценном костюме, с этими номерами, я стал лауреатом конкурса.

Я был каникдаз в то время. Из «Самоцветов» решил уйти в отдел «Сатиры и юмора» Москонцерта. Данный путь оказался тернистым. Уже были раскрученные Петросян и Хазанов. Правда, мой первый сольный концерт прошел в ЦКЗ «Россия», поэтому на этой площадке я испытал особый трепет.

А второй мой выход на эстраду состоялся уже с подачи Бориса Брунова. Был очень ответственный концерт, посвященный 60-летию революции. И Борис Брунов поручился за меня, как за артиста, перед руководством. А с «Самоцветами» я дружу и по сей день.

- То есть можно сказать, что

вашими первыми университетами были «Самоцветы»!

- Моим первым университетом был ГИТИС, я был воспитан Театром оперетты, я - выходец из ансамбля песни и пляски Военно-Морского Флота. Ну а дальше - беспризорная юность.

- Опять острите!.. Ваши родители имели отношение к эстраде!

- Моя мама была преподавательницей русского языка и литературы. Она меня обучала целых четыре года в школе, поэтому я не могу до сих пор послушаться маму. Когда она сидит на моих концертах в первом ряду - она мой режиссер номер один. Она всегда звонит мне и зачитывает целый ряд замечаний. Я к ним прислушиваюсь.

А отец был инженером-строителем. Он закончил институт в Питере. Однажды, был случай, когда он за кулисами разговаривал с Аркадием Райкиным. А Райкин - он ведь только на сцене был эмоциональным, молодым, излучающим энергию. За кулисами - скляночки, бутылочки, сидел скорбившись, погруженный в себя, говорил шепотом. Но когда отец сказал, что учился в Питере в инженерно-строительном, тот буквально взлетел со стула и засыпал его вопросами. У Райкина вместе с отцом на курсе учился близкий друг, они нашли массу общих знакомых. Чтобы Райкин так на кого-то бурно отреагировал (его надо было знать) - это редчайший случай. Для меня и для многих артистов и зрителей в стране этот человек был идиолом.

Так вот, именно Аркадий Райкин открыл мне одну истину: «Володя, вы - поющий юморист. Это очень редкое явление на эстраде. Но делайте это серьезно, не юродствуйте, чтобы люди поверили в вас и как в сатирика, и как в певца».

- Как вы относитесь к хорошему столу и к закуске!

- Я не пью красное вино. Зато пью водку. Правда, сейчас и водку не пью. Вот на четыре месяца устроил себе гестало - худео. Строжайшая диета. И качаю мышцы. Хотите потрогать? Удержаться мне легко. Жена - бывшая балерина. Пятнадцатилетняя дочь - тоже танцующая девушка. У них строго с питанием. Кроме того, я так волнуюсь на каждом концерте, что по одному килограмму обязательно теряю за вечер. Весь мокрый бываю.

А сам я умею готовить яичницу с помидорами и с сыром.

- Вы - великий оптимист. А были ли в вашей жизни моменты страшные?

- В Германии я попал в аварию. Два человека - водитель и еще один мой друг - погибли. Я был весь поломанный. Обе мои ноги получили сложные травмы. Левая вообще не действовала. Немецкие врачи приговорили, что профессиональней заниматься я не смогу и вообще с кровати больше не поднимусь. И тогда я попросил перевезти меня в наш военный госпиталь. Наши хирурги собирали меня буквально по частям. Я долго лежал на растяжках. А по ночам я устраивал себе экзекуции - пытался поднять ногу. Мышцы атрофировались. Я посыпал нервный импульс в ногу, давал ей команду, а она не действовала. Боль страшная. Только через месяц попыток я сумел ее приподнять на сантиметр. И когда наконец встал с постели, попросил отвезти меня к тем немцам и станцевал перед ними цыганочку. Наши военные врачи - гении. Они делают уникальные операции за зарплату. Там, у них, люди с такими руками миллионерами становятся. Я единственное, чем сумел отплатить своим хирургам-подполковникам, - выбить раньше срока звания полковника.

- Часто ли бывают накладки во время ваших концертов?

- Достаточно часто. Например, я выступал в одном концерте. Сидит правительство. Меня должны в конце первого отделения поднимать на круг над сценой. Идет прямая трансляция. Вдруг боком подходит ко мне Лещенко и говорит: «Поступило сообщение: в зал подложена бомба. Занкнчивай». Дальше Лева Лещенко и Леонид Якубович выходили на сцену и говорят: «Товарищи, пожалуйста, организованно выходите в фойе. Поступила информация, что в зале заложена бомба». А я краем глаза вижу, как в первом ряду сидит жена Кобзона и покатывается со смеху: «Ну, Вовка, такую хохму в зал еще никто не выдал». И только когда между рядов появились люди с собаками-ищейками, тут все действительно ринулись из зала. Помню, дочь ко мне в истерике прибежала в гримерку... Но концерт все равно прошел на ура». Бомбы не нашли. Мы сумели поднять во втором отделении градус зрительного зала.

Вообще меня часто судьба хранила. И Лева тоже. Например, я

должен был идти на «Нахимове» в том рейсе, когда произошла катастрофа, и нашу палубу снесло. Из-за того, что Лева улетел раньше и мне одному скучно было ехать, я отказался от билета, и не попал в этот рейс.

Я с годами понял, что есть Судьба. Ничего не надо в жизни менять. Пусть все идет, как идет. И если меня сейчас спрашивают: «А может быть, на следующем самолете улетите?» - я отвечаю: «Мой самолет тот, который первый».

- А популярность вам ваша помогает? И вообще, что такое успех в вашем представлении!

- Успех - это когда в зале нет мест. Успех - это когда милиционер останавливает машину, я открываю окно, а он мне, захлебываясь, говорит, беря под козырек: «Простите, что беспокоил». Смеетесь? Было и такое.

Хотите, расскажу анекдот из жизни? Едем вдвоем с Левого в Кремль. Он - за рулем. Но в кепке, надвинул на глаза, и его не узнать. Где-то случайно нарушили правила. Нас тормозят. Подходит милиционер к Лево, не узнает его в кепке: «Вы нарушили». Я выглядываю с заднего сиденья. Он говорит: «Ой! Кого ты везешь! И так рискуешь! Да ты скажи своему водителю!..» Тут Лева снимает кепку. Милиционер его, конечно, сразу же узнал, начал извиняться, обратился по имени-отчеству.

Меня радует, что выросло новое поколение, которое зовет нас уже по имени-отчеству, но знает и уважает. Я думаю, это еще и потому, что мы никогда не смотрели свысока ни на милицию, ни на врачей, ни на строителей. Сейчас мне часто жалуются на молодежь: «Откуда в них такое барство, такое пренебрежение к людям?» Это печальный момент. А ведь многие поют под фанеру, ничего не умеют.

Меня вот часто молодые журналисты упрекают в том, что «вы, мол, выступали на телевизионном времени застоя». И я не могу им, молодым, объяснить, что в те застойные времена ни за какие деньги на телевидение пробиться было невозможно. Единственно, что давало исполнителю право на эфир, - это талант. А он не покупается - или, извините, есть, или его нет.

Елена КУРБАНОВА.